

КАТЕГОРИЯ СТЕРЕОТИПНОСТИ В ПОВСЕДНЕВНОМ ЯЗЫКОВОМ СУЩЕСТВОВАНИИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Т. В. Фролова

Дальневосточный федеральный университет

Поступила в редакцию 8 сентября 2016 г.

Аннотация: особое место в сфере бытового общения принадлежит стереотипности как константе, проявляющейся в повседневном функционировании языка. В исследовании предпринята попытка выделить особенности реализации данной категории в сельской коммуникации. Описаны два основных проявления сельских стереотипов: повседневные микродиалоги и способы номинации в сфере неофициальной топонимии и названий сельских объектов.

Ключевые слова: стереотипность, языковое существование, сельские стереотипы, повседневные микродиалоги, неофициальная топонимия, малые письменные жанры, вывеска.

Abstract: a special place in everyday communication belongs to stereotypy as a constant which manifests itself in the daily functioning of the language. The study attempts to identify features of the implementation of this category in the rural communication. We describe the two main manifestations of rural stereotypes, namely, everyday microdialogues and nomination processes in unofficial toponymy and rural names of objects.

Key words: stereotypy, linguistic existence, rural stereotypes, daily microdialogue, unofficial toponyms, small written genres, signboard.

Основными константами повседневности, как известно, являются самоочевидность, интерсубъективность и стереотипность. Особое внимание в современных исследованиях [1–3] уделяется стереотипному характеру повседневности, в частности ее ролевой и сценарной структуре, обусловленной типичностью как субъектов, так и мотивов их деятельности, лежащих в основе стереотипного поведения.

В самом общем смысле стереотипизация поведения представляет собой один из способов адаптации к окружающей среде, прежде всего социальной. Проблема стереотипности отражена и в трудах классиков социальной лингвистики. Так, Л. П. Якубинский в известной работе «О диалогической речи» пишет: «Наши взаимодействия ... всегда сопровождаются речевыми взаимодействиями, речевым обменом, и, соответственно этому, шаблонные взаимодействия обрастают шаблонными речевыми взаимодействиями; между теми и другими устанавливается теснейшая ассоциативная связь» [4, с. 17]. В современной лингвистике к этой проблеме обращаются в связи с разноаспектными исследованиями, что находит отражение в неоднозначности терминологического обозначения явлений стереотипности, а также в самом понимании этого понятия.

Наиболее широко стереотипность понимается в сфере исследований речевого поведения. А. А. Шунейко и И. А. Авдеенко описывают прочную связь между стереотипами речевого поведения и стереоти-

пами других сфер (культурными, социальными, возрастными и т. д.), которая обусловлена отнесенностью любого стереотипа к системе норм, не отраженной в словарях и грамматиках [5, с. 71]. Стереотипы речевого поведения затрагивают включение в коммуникацию и выключение из нее, уместность и неуместность речевых форм в определенной ситуации общения, поэтому изучение стереотипов общения привлекает внимание исследователей русского речевого этикета, подчеркивающих его стереотипную природу. В частности, по определению Н. И. Формановской, речевой этикет – это «регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [6, с. 9].

Более детальное описание поведенческих стереотипов представлено в работах Т. М. Николаевой, которая предложила выделить речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы [7, с. 149]. Объединяющим для этих трех групп является признак прецедентности: говорящий употребляет стереотипный фрагмент как чужую речь и «ощущает это сам, и это же ощущает слушающий» [там же, с. 150].

В контексте исследований языка города понятие стереотипности активнее всего используется в коллоквиалистике, где под стереотипами понимаются «ситуативные клише, в основе которых лежит речевой автоматизм, объясняющийся частой повторяемостью жизненных ситуаций, к которым прикреплены речь»

[8, с. 15]. Стереотипы, обладающие малой текстовой формой, входят в особую группу жанров разговорной речи, вокруг каждого из которых «группируются определенные бытовые речевые этикетки, особая разговорно-бытовая фразеология». Подобные явления Л. А. Капаназе назвала «малыми жанрами», отметив, что в зависимости от сферы употребления разграничиваются стереотипы домашние и городские [9, с. 234]. Городские стереотипы в типичных ситуациях общения (таких как «Магазин», «Улица», «Транспорт» и др.) описаны М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, определившими их как «малые жанры разговорной речи, которые реализуются в высокочастотных ситуациях повседневного городского общения между незнакомыми людьми в форме определенного набора речевых и прагматических клише» [1, с. 258]. Исследователи обращают внимание и на этикетные формулы, а также автоматизированные реплики-реакции типа «Как пройти?», включая их в определение городского стереотипа.

В исследованиях языка города при описании структуры диалогов, возникающих в городских стереотипных ситуациях, традиционно выделяется жанрово-тематическое ядро, соответствующее определенному типу ситуации [1]. Например, в ситуации «Аптека» жанрово-тематическое ядро составляют реплики, соответствующие традиционным микроситуациям: «начало покупки», «выбор товара», «покупка», «расчет». Стереотипность таких реплик проявляется в использовании «готовых речевых формул, быстро и экономно передающих общезначимое и общепонятное (прецедентное) содержание в типичных ситуациях общения, выбирая которые, продуцент речи формирует положительное, нейтральное или отрицательное отношение реципиента к речевому событию» [10, с. 25].

Таким образом, в современных лингвистических исследованиях обнаруживаются различные подходы к описанию категории стереотипности: в прагматическом рече-поведенческом аспекте и в аспекте коммуникативно-жанровой дифференциации живой речи. Представленные подходы легли в основу нашего исследования, в котором предпринята попытка выявления особенностей реализации категории стереотипности в повседневном языковом существовании сельских жителей, а именно: в регулярно повторяющихся ситуациях бытового общения и в системе сельских номинаций. Материалом для наблюдения послужили записи устной речи и письменные тексты малой формы (названия сельских объектов, представленные на вывесках), собранные в районах Приморского края (Анучинском, Чугуевском, Дальнереченском, Пожарском, Кировском, Кавалеровском, Лазовском, Михайловском, Спасском, Черниговском, Хасанском, Хорольском и др.).

Проявления категории стереотипности в повседневных микродиалогах

Стереотипы, функционирующие в повседневной сельской коммуникации, по своей структуре похожи на городские, но имеют некоторые особенности тематической реализации: темы, реализующиеся в стереотипных ситуациях сельского общения, отличаются от тем, реализующихся в стереотипных ситуациях общения городского. Для обозначения микродиалогов, возникающих в регулярно повторяющихся ситуациях сельской коммуникации, используем термин «сельские стереотипы».

В ходе исследования мы обратили внимание на специфическую политематичность диалогов в стереотипных ситуациях сельского бытового общения. В подобных условиях, как правило, возникает две темы: 1) тема, обусловленная микроситуацией и 2) личная тема, обусловленная знакомством коммуникантов. В отличие от городских стереотипов, для которых характерно общение, максимально отстраненное от сферы личной жизни, в сельской повседневной коммуникации под влиянием фактора личного знакомства часто возникают «личные темы». При этом подобное общение возникает даже в обязательных микродиалогах, определяющих структуру стереотипа и имеющих клишированную форму.

Особенно наглядно сельская специфика проявляется при сопоставлении речевого общения в однотипных ситуациях сельской и городской коммуникации, например в ситуации «Аптека». В данной стереотипной ситуации городского общения микроситуация «Выбор товара» обычно определяется следующими темами: «Наличие товара», «Цена», «Выбор нужного лекарства», «Чем заменить отсутствующий препарат» и т. п. [1, с. 356]. В сельской же аптеке коммуниканты, осуществляя выбор товара, часто включают в разговор «личные темы», обусловленные их знакомством, продолжая их и во время расчета:

1. Начало покупки:

Покупатель: *Здравствуйте//*

Продавец: *Здравствуйте//*

2. Выбор товара:

Покупатель: *Оля/ нам что-нибудь от дисбактериоза посоветуй пжлста//*

Продавец: *От дисбактериоза вот «Бифиформ»/ удобно/ его один раз надо в день пить/ одну капсулу утром/ и все// У меня Танька тоже мучилась/ все эта студенческая еда/ а это даже она пьет//*

Покупатель: *Ну давай его//*

3. Расчет

Продавец: *Триста шестьдесят восемь//*

Покупатель (достает деньги): *Ну как вы? Сессию сдаете? На каникулах уже? Щас копейки еще//*

Продавец: *Досдаст еще// Домой хочет/ звонит//*

Покупатель: *Бедный ребенок/ что поделаешь! Ну терпите уже//*

Следует отметить, что личное знакомство влияет на то, что некоторые языковые средства, отражающие ролевую субординацию, в речи селян не проявляются. В приведенной ситуации продавец и покупатель разговаривают как знакомые, имеющие равную ролевую позицию, что проявляется в использовании местоимения *ты* и глагольной формы 2-го лица единственного числа, особых форм обращений и др. В то же время покупатель использует форму императива в жанре требования, так как, по замечанию М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, в стереотипной ситуации «Аптека» ролевая позиция покупателя выше позиции продавца [1]. Такая ролевая субординация характерна и для городской, и для сельской повседневной коммуникации.

Проявление категории стереотипности в способах сельской номинации

Реализация категории стереотипности в моделях сельских номинаций объединяет две сферы языкового существования: неофициальную топонимию и названия на сельских вывесках.

Особое проявление стереотипность получает в неофициальной топонимии, как в ее собственно лингвистических, так и в экстралингвистических характеристиках. Употребление некоторых топонимов может быть типичным для говорящих определенных возрастных групп. Например, употребление старых «китайских» названий больше характерно для старшего поколения, хотя существуют неофициальные топонимы, используемые селянами всех возрастов. Например, в Лазовском районе такими общими для всех названиями являются *Канхез* (река Пасечная), *Вангоу* (с. Лазо) и некоторые другие. Так, пожилая жительница с. Лазо в своем рассказе использует старое китайское название бухты Киевка – *Судзухе*: *Мы когда с Шурой в Судзуху приехали/ там корабль ходил/ билета не купишь/ до Ольги/ до Преображения* (обращает на себя внимание склонение неизменяемого иноязычного топонима). В данном случае выбор женщиной привычного для нее старого китайского названия *Судзухе* является понятным и коммуниканту, принадлежащему к молодому поколению. Для молодого поколения типична игра с названиями: *Смолянбург*, *Лос-Смолянжелос* (пос. Смоляниново), *Лазвегас* или просто *Вегас* (с. Лазо), *Дубай* (пос. Дунай), *Куражевка* (с. Суражевка), *Кошмаровка* (с. Кокшаровка), *Сан-Фрас-Смычка* (пос. Смычка) и т. п. Существуют и примеры вариантов одного топонима, являющихся стереотипными для говорящих разных возрастов: с. Вольно-Надежденское старшее поколение называет «*Надеждинск*», а в речи молодежи гораздо чаще встречается «*Надѐга*».

Другим примером является возникновение неофициальных названий, основанных на употреблении

порядковых числительных, т. е. нумерации для обозначения объекта по мере освоения той или иной территории, при этом употребление чисел может быть мотивировано по-разному:

– названия, данные по ходу освоения той или иной территории местными жителями (обычно точкой отсчета являлся сам поселок): *Первый луг*, *Второй луг*, *Третий луг* (и до *Шестого*) – в с. Виноградовка Анучинского района;

– названия, данные по размеру объекта: *Шестнадцатое поле* (поле размером в 16 гектаров);

– названия, мотивированные расстоянием, на котором объект находится от точки отсчета, например *Сороковой* (название военного поселения, не имеющего официального эквивалента и находящегося в 40 км от пос. Сибирцево).

Влияние стереотипности на собственно лингвистические характеристики сельской топонимии проявляется в склонности говорящих образовывать варианты разных топонимов по словообразовательным моделям, типичным для разговорной речи. Например, в устной речи сельских жителей часто встречаются варианты неофициальных топонимов, различающиеся количеством компонентов, что является следствием стяжения. В процессе живого общения один из компонентов составного названия часто опускается: *Рыболов* (пос. Камень-Рыболов), *Дрегиса* (ул. Рихарда Дрегиса), *Рыбка* (завод «Рыбка моя» в пос. Южно-Морской). Описанные явления характерны для русской разговорной речи и отмечаются исследователями языка городского общения [11; 12]. Интересным, на наш взгляд, является факт стяжения «наоборот», когда опускается имя собственное, а используется общее название объекта: сельские жители обозначают близлежащие крупные поселения как *Город* или *Поселок*. Например, поселок Пограничный называют просто *Поселок*, так как рядом других поселков нет. В с. Лазо *Городам* называют только Владивосток как самый крупный, хотя ближе есть и другие города. Употребление такого названия характерно для студенчества и других людей, которые часто ездят во Владивосток: «*Я в Город часто езжу*» или «*Ты когда в Город?*» и т. п.

Среди номинаций, представленных на сельских вывесках, наиболее часто используемыми являются однословные, а именно, образованные по модели «N1»: «*Амба*», «*Продукты*», «*Мадлен*» и др. Встречаются и однословные номинации, образованные по адъективной модели «Adj»: магазин «*Центральный*», рынок «*Универсальный*». Среди расчлененных номинаций (словосочетаний) самая распространенная модель – «N1 + N2», например «*Мясо птицы*». Эта модель реализуется и с предлогами: «N1 из N2»: «*Обувь из России*», «*Сувениры из Шмаковки*»; «N1 для N2»: «*Товары для детей и женщин*». Также используется

модель «N1 + Adj», например: «*Бабушкины пирожки*», «*Манзовский хлеб*» и др. Подобные модели номинаций отмечаются исследователями языка города [13]. Интересной, на наш взгляд, является тенденция распространения разговорной модели «предлог У+ родительный падеж существительного» в текстах сельских вывесок. Под влиянием фактора личного знакомства сельские жители иногда называют магазин по имени собственника, даже при наличии официального названия. Например, в устной речи магазин «*Виктория*» называют «*У Славика*», магазин «*Ольга*» называют «*У Кати*». Постепенно данная модель появляется и на сельских вывесках: «*У Ромы*», «*У Елены*», «*У Петровича*» и т. п. Неофициальные названия замещают официальные, так как местные жители ассоциируют называемые объекты с именами людей, которых они знают лично, а не с безликими официальными названиями.

Таким образом, стереотипность как константа, формирующая основные признаки повседневности, реализуется в двух разновидностях сельских стереотипов: 1) стереотипных микродиалогах и 2) стереотипных способах наименований. Прежде всего, стереотипным оказывается жанрово-тематическое ядро ситуаций, в которых происходит повседневное языковое взаимодействие сельских жителей. Стереотипные ситуации общения состоят из стандартного набора микроситуаций, каждая из которых реализуется с помощью определенных речевых клише. Однако сельские стереотипы демонстрируют более широкое проявление личного начала коммуникантов, чем городские, в связи с чем общение в стереотипных ситуациях приобретает более открытый, неформальный характер, что подтверждается использованием особых языковых средств и расширением круга обсуждаемых тем. В сельских номинациях категория стереотипности реализуется в сельской неофициальной топонимии и малых письменных жанрах. Как в устной речи, так и в текстах вывесок, типизированными оказываются различные способы номинации. Под влиянием экстралингвистических факторов, таких как возраст говорящих и личное знакомство местных жителей друг с другом, в системе сельских номинаций возникают следующие особенности: «стяжение наоборот», использование старых «китайских» названий, распространение разговорной модели «предлог У+

родительный падеж существительного» в текстах вывесок и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Китайгородская М. В.* Языковое существование современного горожанина : на материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 496 с.
2. *Касавин И. Т.* Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – М. : Канон+, 2004. – 432 с.
3. *Чулкина Н. Л.* Мир повседневности в языковом сознании русских : лингвокультурологическое описание / Н. Л. Чулкина. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
4. *Якубинский Л. П.* О диалогической речи / Л. П. Якубинский // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М. : Наука, 1986. – С. 17–57.
5. *Шунейко А. А.* Стереотипы речевого поведения / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Русская речь. – 2011. – № 1. – С. 70–73.
6. *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет : лингвистический и методический аспекты / Н. И. Формановская. – Изд. 4-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 160 с.
7. *Николаева Т. М.* От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 680 с.
8. *Русская разговорная речь. Тексты* / отв. ред. Е. Л. Земская, Л. А. Капанадзе. – М., 1978. – С. 3–27.
9. *Капанадзе Л. А.* О жанрах неофициальной речи / Л. А. Капанадзе // Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С. 230–234.
10. *Одарюк И. В.* Особенности стереотипного речевого поведения журналистов : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Одарюк. – Ростов н/Д., 2003. – 157 с.
11. *Рублева О. Л.* Разговорные топонимы в обиходной речи жителей Владивостока / О. Л. Рублева // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке России : материалы науч. конф. (Владивосток, 4–5 ноября 2003 г.). – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2004. – Кн. 2. Литература. Язык. Культура. – С. 268–280.
12. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
13. *Михайлюкова Н. В.* Тексты городских вывесок как особый речевой жанр : (на материале языка г. Владивостока) / Н. В. Михайлюкова. – Владивосток : Дальневост. федер. ун-т, 2014. – 190 с.

Дальневосточный федеральный университет
Фролова Т. В., аспирант кафедры русского языка
как иностранного
E-mail: tanyakorobkov@gmail.com
Тел.: 8-968-166-02-85

Far Eastern Federal University
Frolova T. V., Post-graduate Student of the Russian as
a Foreign Language Department
E-mail: tanyakorobkov@gmail.com
Tel.: 8-968-166-02-85